

О МОДЕЛЯХ РЕГУЛЯРНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Т.В. Никитенко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В лексической семантике последних десятилетий настойчиво высказывается предположение о регулярности развития многозначности. Суть подобного утверждения заключается в том, что «множество разных моделей семантической деривации хотя и велико <...>, но все-таки обозримо, и тогда основная масса значений слова создается за счет определенного, в какой-то мере универсального, множества семантических переходов, <...>» [1, с. 148]. Вместе с тем, как справедливо замечает Д.О. Добровольский, наличие подобных моделей не означает, что автоматически все члены определенного семантического класса обнаружат параллельную полисемию. Модели семантической деривации «помогают систематизировать представление семантической структуры многозначного слова, но не позволяют предсказать наличие того или иного значения у каждого конкретного слова» [2, с. 281]. Большинство исследований на предмет регулярной лексической многозначности проводятся на материале одного языка. Определенную актуальность, как представляется, имеют работы, выявляющие регулярную межъязыковую полисемию, поскольку именно они дают весомые аргументы в пользу тезиса, приведенного в самом начале, а кроме того, позволяют выявить продуктивность отдельных семантических переходов. Этому и посвящена данная работа, цель которой заключается в установлении некоторых семантических переходов в группе оценочных слов в славянских языках.

Материал и методы. Данное исследование проведено на материале трех славянских языков: русском и белорусском, которые относятся к восточнославянской подгруппе, и польском – западнославянском языке. Оценочная лексика извлечена из толковых словарей трех языков путем анализа словарных дефиниций и наличия у лексических единиц экспрессивно-оценочных помет.

Результаты и их обсуждение. Выявление регулярных семантических переходов в референтной группе слов в русском, белорусском и польском языках представляет определенную сложность. Это объясняется тем, что в данных языках присутствуют единицы, обусловленные общим происхождением или контактом, и в семантической структуре которых зафиксированы одинаковые оценочные значения. В случаях подобия звукового образа и схожести семантических структур анализируемых слов достаточно сложно установить происхождение производного оценочного значения. Особенно тяжело решается эта задача, если этимология слова неизвестна, как в примере с пол. *baiwan* ‘o cziowieku ograniczonum’, рус. *болван* ‘бестолковый, глупый человек’, бел. *балван* ‘дурань, неук’. Известно, что форма **bьlvanь* относится к праславянскому лексическому фонду и встречается во многих славянских языках и диалектах (ЭССЯ, вып. 3, с. 121–122). Слово *baiwan* известно в первоначальных значениях ‘глыба, обломок’, ‘идол’; путь проникновения в польский язык остается спорным. В более позднее время *baiwan* начинает встречаться в современном оценочном значении. В древнерусском языке *болван* отмечено в значениях ‘идол’, ‘столб, чурбан’ и считается возможным заимствованием из тюркских языков. Позже в XVII в. фиксируется пейоративное значение ‘тупица, неуч, невежа (о человеке)’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с.277). В белорусском *балван* является либо заимствованием из русского, либо (и вероятнее всего) из польского; значение ‘дурань’ отмечено в середине XIX в. (ЭСБМ, т. 1, с. 291). В данном случае очевидным объяснением наличия оценочного значения является семантическое заимствование, однако, в том же ЭСБМ указано, что метафора ‘балван, статуи’ → ‘дурань’ хорошо известна в восточнославянских языках, что, безусловно, дает повод думать о независимом переходе. Наличие белорусских слов *слуп*, *статуи* это подтверждает, переносное значение у которых ‘пра тупога, бесталковага чалавека’, очевидно, образовалось по такому же переходу.

При анализе пейоративной лексики в трех славянских языках выявлена многочисленная группа слов – зоонимов, в семантической структуре которых отмечены переходы, приводящие к схожим оценочным значениям. Ср. модель ‘баран’ → ‘глупый человек’, реализуемую во всех языках, пр.: пол. *baran* ‘cziowiek nieinteligentny, ograniczony <...>’, рус. *баран* ‘о глупом, упрямом человеке’, бел. *баран* ‘пра тупога, някемлівага чалавека’. Несмотря на то что само слово известно в русском с XV в., в переносном значении оно впервые употребляется в сравнении

типа «...хозяин тут стоял как баран с рогами...» достаточно поздно – в XVIII в. (СлРЯ XVIII в., вып. 1, с. 140); одна из ранних фиксаций значения ‘об упрямом или глупом человеке’ в художественной литературе встречается у Ф.М. Достоевский «Бесы» (1873). В белорусском языке до конца XVIII в. оценочного значения у лексемы *баран* зафиксировано не было (ПГС, с. 28); в польском языке оно отмечено не ранее вт. пол. XIX в. (SJP). Подобные переходы ‘(конкретное) животное’ → ‘отрицательное свойство человека’ иллюстрируются многочисленными примерами: пол. *osioł* ‘o człowieku gupim lub upartym’, рус. *осел* ‘о тупом, упрямом человеке’, *ишак* ‘об упрямом, глупом человеке’, бел. *асёл* ‘пра тупога, упартага чалавека’; пол. *zwierzk* ‘o człowieku, ktęgu zachowuje sik w sposęb przępisęwany zwierętkęm’; рус. *животное* ‘незавитый человек с низменными, непристойными страстями’, *скот* ‘о грубом, низком, подлом человеке’, бел. *жы-вёла* ‘грубы, подлы чалавек’ и др. Также распространена модель ‘часть тела животного’ → ‘презрительное название части тела человека’, пр. *gręywa* ‘o buęnej częrgęnie u człowieka’, *gręwa* ‘густые длинные волосы человека’, *gręwa* ‘пра доўгія валасы ў чалавека’; *pęsk* ‘o ludękiej twaręży’, *рыло* ‘лицо’, *лыч* ‘тое, што і твар’ и др. Частотна в сравниваемых языках модель ‘детеныш животного’ → ‘бранно о ребенке’, пр.: пол. *szęeniak* ‘miodę chiępak zachęwujęsę sik nięrowaęnie’ *щенок* ‘грубо о ребенке’, *псенок* ‘о юноше, подростке (обычно злобном)’, *шчана* / *шчанё* ‘груба пра дзіця’ и др.

Тривиально выглядят в анализируемых языках такие семантические переходы, как ‘человек иной расы’ → ‘глупый / некультурный человек’, ‘иноверец (не христианин)’ → ‘враждебный и неприятный человек’. Ср. пол. *poganin* ‘częwiek, ktęry za najwaęniejsęe w ięcię uznaje inne wartoęsi, nię te, ktęre gięsi chreęsęjjasęstwo’, *поганец* ‘скверный, недостойный, гадкий человек’, *паганец* ‘нядобры чалавек, нягодник’ и др.

В некоторых случаях только в двух языках производные оценочные значения оказываются тождественными, а в третьем – оно не фиксируется вовсе. Ср. рус. *конюшня* и бел. *канюшня* имеют переносное значение ‘об очень грязном помещении’, а пол. *stajnia* – нет. Достаточно любопытный случай наблюдаем с лексемой *юбка*, пол. *spędnica*. И в русском, и в польском языке у данного слова основное значение полностью совпадает – ‘женская одежда, облегающая фигуру от талии книзу’. В обоих языках эта лексическая единица в разговорной речи переносно употребляется в неодобрительном значении ‘женщина (как предмет чувственного влечения мужчины)’. В толковом словаре белорусского языка такое переносное значение у лексемы *спадница* не отмечено, но приводится фразеологизм с пометой (неадабр.) *бегаць за спадницею* ‘заляцацца да жанчын’.

Заключение. Результаты проведенного исследования показывают, что в близкородственных языках параллельные семантические переходы достаточно трудно устанавливать из-за наличия большого объема лексики общего происхождения, а также слов и значений, которые появились как следствие межъязыковых контактов. Выделяются определенные тематические группы, более подверженные межъязыковой полисемии и чаще всего посредством метафорических переносов.

1. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
2. Добровольский, Д.О. Регулярная многозначность в сопоставительном аспекте / Д.О. Добровольский // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой; редкол.: А.В. Бондарко [и др.]. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С.280–292.

Использованные словари и их сокращения

3. SJP – Słownik języka polskiego: 11 t. / Polska Akademia Nauk; red. W. Doręszewski. – Warszawa: Paęstwę Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969. – 11 t.
4. ПГС – Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексики: у 2 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; пад рэд. А.М. Булькі. – Мінск, Беларус. Навука, 2013. – 2 т.
5. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2025. – 30 вып.
6. СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века: в 16 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю.С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2015. – 21 вып.
7. ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: 13 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовы імя Я. Коласа; пад рэд. В.У. Мартынава. – Мінск, Беларус. Навука, 1978–2010. – 13 т.
8. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 39 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974–2014. – 39 вып.